

521
77764

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ЮЛЬ — АВГУСТЪ.

О КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЯХЪ И СРОДНЫХЪ СЪ НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ, — статья дѣйств. чл. А. А. Потебни (окончаніе).	145—153
О ДРЕВНИХЪ КАМНЯХЪ—ПАМЯТНИКАХЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ И ПОДЛІХІИ — статья дѣйств. чл. графа К. П. Тышкевича (съ шестью политипажамі см. стр. 192)	154—160
КЪ РУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ. О НѢКОТОРЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ, находящ. въ западной Европѣ, ст. чл. Н. С. Некрасова	161—164
НУМИЗМАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ: I. о монетѣ Антимаха Θεоса съ именемъ Діодота, ст. дѣйств. чл. В. В. Григорьева	165—168
II. деньга Андрея Ивановича сына Калиты (съ поли- типажемъ) ст. чл. основ. Д. П. Сонцова	168—169
КРИТИКА: о сочиненіи Богданова, „Матерьялы для антропологіи Курганнаго пе- ріода московск. губерніи“ ст. дѣйств. чл. А. А. Котляревскаго	170—176
БИБЛОГРАФИЯ, статьи чл. А. Н. Афанасьева, К. К. Гёрца, А. А. Котляревскаго	176—179
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ — статьи: А. Терещенко, чл. гр. А. С. Уварова, П. С. Казанскаго и др.	180—190

1924
4612

О КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЯХЪ

И СРОДНЫХЪ СЪ НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ.

[ОКОНЧАНІЕ]

Когда небесныя явленія объяснены земными, то можетъ начаться обратный первому процессъ, объясненія земныхъ явленій, какъ болѣе слабыхъ, менѣе поражающихъ человѣка — небесными, какъ болѣе сильными. Отъ того, что человѣку много разъ случалось самому добывать огонь изъ дерева, появленіе огня не потеряло своей таинственности. Огонь заключенъ въ деревѣ до своего появленія ¹⁾. Откуда же онъ взялся тамъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служило вѣрованіе, что извѣстныя растенія суть воплощенія небеснаго огня, который представлялся послѣднею причиною земнаго. Мысль, не привычная къ напряженіямъ, устасть, дошедши до такого объясненія и не спрашиваетъ далѣе: откуда взялся огонь въ самомъ небесномъ деревѣ?

Рядомъ съ вышеупомянутымъ объясненіемъ молніи существуетъ и другое. Молнія падаетъ быстро. Изъ живыхъ существъ человѣку извѣстно только одно, способное къ такой быстротѣ, именно птица, особенно орелъ, соколъ. Поэтому молнія есть орелъ или соколъ. Такое представленіе соединяется съ предыдущимъ: соколъ гнѣздится на небесномъ деревѣ, и когда оно загорится, уноситъ горящую вѣтку на землю. Эти представленія сплетаются съ третьимъ: гроза есть борьба силы благотворной и враждебной. Когда соколъ сноситъ на землю огонь ²⁾, то враждебное существо стрѣлою отбиваетъ у него коготь или вышибаетъ перо изъ крыла. Человѣку извѣстны растенія, своимъ существованіемъ обязанныя птицѣ, т. е. выросшія изъ занесеннаго ею зерна. Частью тѣ же растенія, частью другія формою листьевъ напоминаютъ перо или крыло, цвѣтомъ сока или яркими красками цвѣтовъ — кровь пущенную раненою птицею, шипами — коготь хищной птицы. Все вмѣстѣ взятое заставляло думать,

¹⁾ Такъ и въ кремнѣ. По выраженію загадки — огонь спитъ въ камнѣ. (Даль, 1065).

²⁾ И небесный напитокъ, о которомъ теперь говорить не будемъ.

что извѣстныя растенія произошли изъ небеснаго огня, объявшаго вѣтку небеснаго дерева и изъ пера, крыла, крови, когтя птицы, принесшей этотъ огонь на землю. Такъ, по индѣйскому вѣрованію, дерево парна (собств. листь и крыло) родилось изъ соколяго крыла или пера, упавшаго на землю и ставшаго листомъ. Цвѣты и сокъ этого растенія красны, потому что красно мясо (Kuhn, Herabkunft des Feuers etc 192). Такъ растенія, изъ коихъ добывался огонь, Сами (acacia suma—дерево съ перистыми листьями) и выросшее на немъ азватта (ficus religiosa) произошли: первое, служащее какъ бы сосудомъ второму, — изъ сосуда, въ коемъ Гандхарвы принесли на землю небесный огонь, а второе — изъ самаго этого огня (ib. 193). Болѣе подробныя подтвержденія вышеизложенныхъ положеній можно найти у Куна. Я приведу только доказательства того, что явственные слѣды мифовъ и связи извѣстныхъ растеній съ небеснымъ огнемъ остались и у Славянъ.

Омела. Поль. jemioła, Чеш. jmelí, jmel, Серб. ѡмела, мела, viscum album (= Скр. а-мала, безъ пятенъ, чистый, свѣтлый). «На којој би се лјесци нашла мела, подъ ономъ лјескомъ има гуја с драгимъ каменомъ на глави, или још Богъ зна какво друго благо поредъ ње. Тако приповиједају: јер се мела ријетко налази на лјесци». (Кар. Рјечн. мела). Есть подобное нѣмецкое повѣрье: подъ лѣщиною, на которой растетъ омела (asaugum europaicum), лежитъ бѣлая змѣя, стерегущая кладъ. Змѣю эту, полагаетъ Кунъ, можно сблизить со змѣемъ, лежащимъ подъ однимъ изъ корней всемірнаго ясеня (Herabk. 228). Въ такомъ случаѣ орѣшникъ съ выросшею на немъ омелою будетъ изображеніемъ всемірнаго дерева, которое, слѣдуетъ думать, представлялось обвитымъ чужеродными растеніями. Сверхъ того кладъ подъ лѣщиною съ омелою указываетъ на то, что оба растенія были воплощеніемъ небеснаго огня, громовой стрѣлы. Кладъ, какъ извѣстно, есть огонь, потому что горить пламенемъ бѣлымъ, краснымъ, желтымъ, смотря по металлу. По польскому разсказу, каждая попытка одной пани взять горсть золота изъ клада ведетъ за собой пожаръ въ одномъ изъ ея селъ ((Siemień. Pod. 69). Кладъ есть именно небесный огонь. Какъ кладъ появляется на поверхности земли только въ извѣстные сроки, наприм. разъ въ семь лѣтъ, такъ и громовая стрѣла (strzała piorunowa, kulička hromová), убивши чорта, уходитъ въ землю и остается тамъ три года (Русс.) или семь лѣтъ (Поль. Чеш.). Ее можно найти только тогда, когда она выйдетъ на поверхность земли по истеченіи этого времени (Абевега 172, Houška III, 182; Gołebowski; Lud Polski 151). Сама по себѣ омела есть воплощеніе громовой стрѣлы, по крайней мѣрѣ по Германскимъ повѣрьямъ. Въ Швейцаріи омела называется donner-besen. Въ Швеціи ее держатъ по домамъ, какъ предохранительное средство отъ всякихъ бѣдъ, особенно отъ пожара, какъ въ Чехахъ — громовую стрѣлу. У разныхъ Германскихъ племенъ и у древнихъ Римлянъ омелѣ приписывались и приписываются цѣлебныя свойства, подобно тому какъ у Славянъ — громовой стрѣлѣ, водѣ, которою она обмыта, дождю выпавшему при громѣ или въ праздникъ громоваго божества (на Ильинъ день) (Абев. 162; Houška III, 332; Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 45; Терещ. V, 14). Что Германцы приписывали омелѣ и разрушительную силу громовой стрѣлы, видно изъ мифа о смерти Бальдера отъ вѣтки омелы (Kuhn, Herabk. 231 слѣд.).

Лѣщина (орѣшникъ. См. Kuhn, Herabk. hasel и wünschelruthe). Чеш. повѣрье: въ первое воскресенье по рожденіи мѣсяца (o novou neděli), до восхода солнца, во имя О. и С. и Св. Д., съ трехъ разъ отрѣзать новымъ ножомъ вѣтку лѣщины (bilé lisky), при чемъ браться за нее рукою, обернутою бѣлымъ платкомъ. Если такую вѣтку окрестить, давши ей имя перваго изъ трехъ царей (волхвовъ), Каспара, то она служить для копанія золота; другая, съ именемъ Бальтазара — для серебра; третья съ именемъ Мелихара — для отыскиванія скрытыхъ водяныхъ источниковъ Pouška Rověry, ib. II, 533). Волшебная вѣтка указываетъ на кладъ, наклоняясь въ ту сторону, гдѣ онъ лежитъ (Hic 125. Иличъ зналъ въ Пожегѣ искателя кладовъ, у коего были двѣ такія вѣтки). Объясняется это слѣдующимъ. У Германскихъ племенъ волшебная вѣтка (wünschelruthe) дѣлается изъ растений, въ коихъ воплотился небесный огонь: изъ рябины, выросшей на другомъ деревѣ изъ занесеннаго птицею зерна, изъ омелы, терновника, орѣшника. Она не только указываетъ на кладъ и исполняетъ всѣ желанія обладателя, но, что особенно важно, подобно разрывъ-травѣ (см. ниже), ломаетъ двери и запоры, разрываетъ скалы, въ коихъ скрытъ кладъ. Послѣдній признакъ отождествляетъ ее съ громовою стрѣлою. Изъ Индо-европейскаго представленія тучи — горою и скалою, а солнечнаго свѣта золотомъ, возникло вѣрованіе, что вѣтка, какъ воплощеніе и замѣна Перуна, разсѣкающаго тучу, ломаетъ скалы и отрываетъ сокровища. Изъ другаго представленія тучи колодцемъ или источникомъ произошло повѣрье, что волшебная вѣтка, какъ Перунъ, освобождающій заключенныя небесныя воды, показываетъ скрытые источники. По Нѣмецкому повѣрью, орѣшникъ (hasel) прогоняетъ змѣй, потому что туча, съ кою борется громовое божество, есть змѣй, а земныя мелкія змѣи произошли отъ великаго небеснаго. Съ этимъ сродно то, что у Хорватовъ — въ среду, четвергъ и пятницу на страстной недѣлѣ дѣти ходятъ къ вечернѣ съ вѣтками лѣщины «Ируда тући» или «коризму ћерати», т. е. прогонять постъ (Hic 121). Баба коризма (Quadragesima) есть существо тождественное съ мареною и враждебное грому, подобно змѣю. Какъ всѣ замѣны Перуна, вѣтка орѣшника (по Нѣм. пов.) предохраняетъ отъ громоваго удара. Въ млр. разсказѣ (Siemień. Pod. и Leg. 118. Ср. Зап. о Ю. Р. II, 40) вѣтка лѣщины является въ рукахъ знахаря символомъ его власти надъ градомъ, градъ замѣнилъ здѣсь грозу (Kuhn, Herabk. 215), на что указываетъ какъ то, что лѣщина первоначально имѣетъ отношеніе къ небесному огню, а не ко граду, такъ и то, что въ упомянутомъ разсказѣ знахарь упрекаетъ всадника на сѣромъ конѣ — представленіе грознаго божества, посылающаго градъ — «почему ты не пришелъ ко мнѣ въ гости на Купала?» Конечно, онъ не сталъ бы приглашать къ себѣ въ гости града, но посѣщеніе людей огнемъ (Агни, Индра) — черта очень обыкновенная. — Крещенье волшебной вѣтки въ Чеш. повѣрьи свидѣтельствуетъ, что и у Славянъ, какъ у Германцевъ, божеству, воплощенному въ ней, приписывалась человѣкообразная форма. Такъ въ Ведахъ, тождественные съ волшебною вѣткой, по происхожденію, куски дерева, изъ коихъ добывался огонь, представляются мужемъ и женой, отъ совокупленія коихъ рождается огонь.

Основанія сближенія лѣщины съ небеснымъ огнемъ заключаются не только въ томъ, что на ней растетъ омела, но и въ ея плодахъ, орѣхахъ, напоминающихъ громовой камень (Чеш. hromovou kuličku) и въ Слав. Герм., повѣрьяхъ имѣющихъ явное отношеніе къ грому.

Дубъ считался воплощеніемъ Перуна и у Грек. Рим. Герм. употреблялся для добыванія огня по тѣмъ же причинамъ: и на немъ растетъ омела; жолуди напоминаютъ громовой камень и повѣрьями приводятся въ связь съ громомъ; сверхъ того могъ приниматься въ соображеніе и красный цвѣтъ дубовой коры (Kuhn Herabk. 47). Славянскихъ свидѣтельствъ объ отношеніи дуба ко грому мало. По Сахарову, въ Туль. губ. на Ильинъ день искали старыхъ дубовъ, при которыхъ вытекали бы ключи. Съ такихъ дубовъ сдирали кору, вымачивали ее въ ключевой водѣ, потомъ привѣшивали себѣ на ладонки, въ предохраненіе отъ зубной боли (Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 45). Возможно, что Серб. Грм., родъ дуба и кустарникъ, одного происхожденія съ громъ. Миклошичъ сближаетъ Ст. Сл. Грѣмъ, кустъ, съ Лит. krūmas, кустъ, кустарникъ, заросль; но это послѣднее слово = поль. krzew, Чеш. křov (гдѣ в в. м, какъ въ червь = Лит. kirmis) которыхъ нельзя отдѣлить отъ Поль. kierz, кустъ. Русс. корь, корень; между тѣмъ согласные зв. слова громъ остаются неизмѣнными и въ Лит. gromti, grumėnti, гремѣть. Вѣроятно, что Серб. грм и Лит. krūmas не имѣютъ ничего общаго. По Вр. загадкѣ, всемірное дерево есть именно дубъ, а на немъ солнце сидитъ птицею: «стоитъ дубъ-стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница, никто ея не поймаетъ, ни царь, ни царица, ни красна дѣвица» (Даль, Посл. 1060).

Папороть (см. Kuhn, Herabk. farnkraut, farnsamen). Наиболѣе близко къ основной формѣ Слав. слова—Литов. papartis (м. р.), съ тѣмъ же значеніемъ; Сл. папороть заключаетъ въ себѣ удвоеніе того-же корня, отъ котораго перо, и значитъ собств. перо, крыло, судя по Вр. обл. папоротокъ, птичье крыло. Тоже основное значеніе въ Слов. регаѣна, папороть, Мадяр. (заимствованное отъ Слав.) perje, id., Нѣм. farn, id (= Скр. парна, перо, крыло и назв. вышеупомянутаго дерева), Греч. πτέρως, id (по Куну, это старинная женская форма при πτερών, крыло). «По очень распространенному повѣрью, говоритъ Кунъ, въ горизонтальномъ разрѣзѣ стебля одной изъ породъ папоротника (pteris aquilina, adlerfarnkraut) видна фигура орла. Это и на самомъ дѣлѣ не лишено нѣкотораго основанія. Видъ всего этого растенія о двухъ большихъ перистыхъ листьяхъ долженъ былъ напоминать птицу, тѣмъ болѣе, что ростки этого раст., только что вышедшіе изъ земли, покрыты пухомъ, подобно недавно вылупившимся птенцамъ». Таковы реальныя основанія вѣрованія, что папороть есть воплощеніе птицы, принесшей огонь, а тѣмъ самымъ и самого небеснаго огня, вѣрованья, которымъ объясняются всѣ мифическія свойства папороти.

Въ нѣкоторыхъ, такъ сказать, огненныхъ или громовыхъ растеніяхъ цвѣтокъ цвѣтомъ напоминалъ огонь; того-же ожидали и отъ папороти. Человѣкъ не могъ помириться съ мыслью, что это растеніе не цвѣтетъ, подобно тому, какъ онъ, подъ влияніемъ предвзятой мысли, не вѣрилъ тому, что у змѣи нѣтъ ногъ. У змѣи, думалъ

онъ, есть ноги, но она ихъ прячетъ ¹⁾; у папороти есть роскошный цвѣтокъ, но трудно его увидѣть. Такъ слѣдуетъ понимать Мр. «папороть цвѣте безъ усякого цвѣту» и др. подобныя выраженія пѣсенъ и загадокъ. Папороть цвѣтетъ въ полночь подъ Ивановъ день. Изъ широколистаго папоротника подымается свѣтлая цвѣточная почка; она движется и прыгаетъ, какъ по Нѣм. повѣрью желтый цвѣтъ разрывъ-травы, растущій между папоротникомъ и цвѣтущій въ ту-же ночь (Kuhn, Herabk. 218). Иные слышатъ при этомъ щебетанье, что объясняется, родствомъ папороти съ птицею. Въ полночь почка съ трескомъ разрывается и распускается огненный цвѣтокъ; невыносимый блескъ его освѣщаетъ все далеко вокругъ (Тер. V, 88 — 9). По Войццкому, цвѣтеніе папороти сопровождается землетрясеніемъ, громовыми ударами, ослѣпительными молніями. Все это, равно какъ и трескъ, съ которымъ распускается цвѣтокъ папороти, объясняется тождествомъ папороти съ Перуномъ. Въ силу этого тождества папороть предохраняетъ отъ громоваго удара, (Kuhn, Die Herabk. 222), подобно тому, какъ по Чеш. пов. растенія netřesk = hromotřes (безъ к на концѣ) (hauslaub) и hromové koření (Houska II, 547). Наоборотъ, это тождество можетъ давать растенію силу наводить грозу. На лугахъ есть такія растенія, что если ско-сить ихъ, то неминуемо слѣдуетъ дождь и буря (Wdjc. Pieš. II, 217).

Нечистая сила въ разныхъ видахъ и разными голосами старается испугать смѣльчака, добывающаго цвѣтокъ папороти. Если онъ испугается, цвѣтокъ для него потерянь. Черти здѣсь замѣняютъ враговъ громоваго божества, змѣевъ. Въ одной сказкѣ чортъ говоритъ: я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на царскую дочь. Они сосутъ у нея груди. А выльбичить ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ (= цвѣтъ папороти). Это такой цвѣтъ, что когда цвѣтетъ, море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня. Черти его боятся (Ае. ск. V, 55—6). Сосанье груди приписывается змѣямъ, а обладатель жаръ-цвѣта, обыкновеннаго и у Герм. представленія громовой стрѣлы, есть громовое божество. О свойствѣ папороти прогонять земныхъ змѣй см. Kuhn, Herabk. 220. На тоже свойство указываютъ два Русскія названія растений: звѣробой. Имя это носятъ многія растенія, между прочимъ, изъ болѣе извѣстныхъ, — желтоголовникъ, Мр. горицвѣтъ (кажется *caltha palustris*), коровьякъ или царскій скипетръ, царская свѣча (*verbascum thapsus*), и особенно Купальское раст. *hypericum perforatum*, (Поль. *świętojańskie ziele*, собираемое въ полдень на Ивана Купала, Нѣм. *johanniskraut*). Оно напоминаетъ огонь не только желтыми цвѣтами (какъ и два первыхъ раст.), но и темно-оранжевымъ цвѣтомъ сока цвѣточныхъ лепестковъ, отъ которыхъ растеніе это получило названіе Чеш. *krevníček* (*flores hyperici*) Мр.

¹⁾ Серб. «Крује као гуја ноге». Приповиједа се, да гуја има ноге, које само онда покаже, кад се у процијену (*огсеръ iiguenъ*, расколота на концѣ палка) припече к ватри; али ко их гођ види, онај мора одмахъ умријети (Кар. Посл. 161). Замѣчательно сходство начала Серб. ск. Немушти језикъ съ слѣд. приключеніемъ Нала: онъ находитъ царя змѣй, по им. Каркô така-с (Ср. это имя, съ Свр. карката ракъ и замѣну змѣя ракомъ въ сказкахъ. Мое соч. О мнѣ. зн. нѣвот. обр. 207—9), окруженнаго огнемъ. Змѣй этотъ, вслѣдствіе проклятія пустыниина Нарады (Нарада—с), лишень употребленія ногъ и принужденъ оставаться въ огнѣ, пока не выручитъ его Наль. Наль выноситъ его изъ огня, и змѣй отслуживаетъ ему за это.

заяча кривца (почему заяча?). Звѣробой значитъ бьющій волка, а волкъ (звѣрь по преимуществу) въ миѣич. отношеніи есть синонимъ змѣя. Чертополохъ (пугающій чертей) отнесенъ къ тому-же разряду растеній вѣроятно за широкія листья (какъ Инд. парна) и за красныя цвѣты. Сила его такова, что человѣкъ спасается отъ преслѣдованія чертей, ставши на мѣстѣ поросшемъ чертополохомъ и бросая въ чертей шишками этого растенія. По другому повѣрью, вилочками припиливаютъ чертополохъ къ землѣ, говоря: если стонишь червей съ моей скотины, то отпущу тебя (Тер. V, 93). Черви тоже враждебная сила, такъ какъ болѣзни вообще съ родни темнымъ силамъ, и такъ можно предположить, что большинство купальскихъ растеній имѣютъ одно и тоже миѣич. значеніе, то понятно, почему зелямъ, собраннымъ на Купала, приписываются цѣлебныя свойства.

Цвѣтъ папортника показываетъ своему обладателю, какъ цвѣтутъ въ землѣ клады. Послѣ сказаннаго выше о волшебной вѣткѣ это не потребуетъ объясненія. Прибавлю еще чеш. пов.: кто достанетъ цвѣтокъ мочерака (*květ byliny močeraka*), которая цвѣтетъ синимъ цвѣткомъ разъ въ семь лѣтъ (какъ громовая стрѣла и кладъ выходитъ на поверхность земли черезъ семь лѣтъ), тотъ можетъ превращать простые металлы въ золото (Houška III, 331). Вѣроятно такова же чудесная сила миѣической золотой метлицы (*zlatá metlice*), которая вырастаетъ разъ въ году, но неизвѣстно когда именно, на многихъ горахъ напр. у Доможиць, у Пльзни, и вскорѣ потомъ исчезаетъ (Houška III, 328).

Цвѣту папортника приписываются свойства разрывъ-травы (Тер. V, 88). По нѣм. пов. эта послѣдняя (*spring wurzel, johannis wurzel*) есть ни что иное, какъ корень папортника (*filix mas*). Тожественность папоротника и разрывъ-травы видна между прочимъ изъ Вр. повѣрья, что разрывъ-трава достается только тому, у кого уже есть цвѣтъ папоротника и корень плакуна (Сак. Ск. Р. Н. I, 2, 43, 4). Разрывъ-трава разрываетъ запоры, почему ее ищутъ воры и искатели кладовъ. Коса, напавши на нее, ломается (Тер. V, 92); если лошадь въ желѣзныхъ путахъ набредетъ на нее, то пута отпадутъ (Абевега, разрывъ-). тоже говорятъ у Сербовъ о травѣ рѣсковникъ. Одинъ Земунскій купецъ надѣлъ на бабу желѣзные пута (вѣроятно предполагая, что она знахарка) и пустилъ ее по полю: гдѣ отпадутъ пута, тамъ расковникъ (Рјечн.). По повѣрью, очень распространенному въ западной Европѣ, у дятла, одной изъ птицъ поджигающихъ дома, т. е. сносящихъ съ неба огонь, есть камень, имѣющій свойства разрывъ-травы (Kuhn, Herabk 219). По Чеш. пов. *Sojka* (кедровка, сѣроокрасоватая перья на тѣлѣ и голубыя на крыльяхъ), увидѣвши человѣка кричитъ и ведетъ его къ своему гнѣзду, гдѣ у нея есть камышекъ (*sojči kamínek*), при помощи коего можно находить скрытые въ землѣ клады. Иначе: кто найдетъ гнѣздо сойки съ яйцами или птенцами, тому слѣдуетъ молча обвязать это гнѣздо новымъ бѣлымъ платкомъ, такъ чтобъ оба узла приходились противъ отверстія. Сойка прилетѣвши, выпуститъ изо рта свой камень, чтобъ развязать узлы (Sumlork I, 111—12). Слѣдовало бы ожидать, что камень (то есть громовой, приносимый птицею и тождественный по значенію съ разрывъ-травой) своимъ прикосновеніемъ разрываетъ узлы.

Названія разрывъ-травы: скакунъ и прыгунъ (Абев. Сах.) объясняются нѣм. повѣрьемъ, что огненный цвѣтокъ разрывъ-травы, разцвѣтающій въ ночь на Купала, не стоитъ на мѣстѣ, а прыгаетъ.

Другая трава, необходимая для обладанія разрывъ-травой — плакунъ. Корень ея копаютъ утреннею зарею на Ивановъ день, безъ желѣза (тоже у Герм. объ омелѣ и рябинѣ); онъ прогоняетъ нечистую силу, какъ и папороть и т. п. По названію, происходящему отъ того, что онъ плачетъ и воетъ (когда его вырываютъ изъ земли, какъ мандрагора, (Gr. Myth. 1053 сл. Kuhn, Herabk. Mandragora) или и въ другое время?), плакунъ тождественъ съ растеніемъ, называемымъ ревенька. Оно растетъ подлѣ воды и въ водѣ, вышиною отъ полу- до трехъ четвертей аршина, цвѣтетъ красновато; стонетъ и реветъ по ночамъ. Кто хочетъ хорошо плавать и никогда не утонуть, тотъ держи при себѣ корень ревеньки (Тер. V, 91). Съ этимъ послѣднимъ ср. слѣдующее: когда сломится коса, попавши на разрывъ-траву, то чтобъ узнать какая именно трава есть разрывъ, слѣдуетъ бросить все скошенное за послѣднимъ взмахомъ въ воду: какая трава всплыветъ, та и есть разрывъ-траву (ib 92—3). Мифическія основанія этого могутъ быть тѣ самыя, по которымъ вѣдьма не тонетъ. — По Мр. пов. вѣхъ, болотная ядовитая трава (кажется *cicuta*) «якъ солнце пригрѣе, то ѣ застогне». Стонъ этихъ растений есть конечно громъ, тѣмъ болѣе, что стонъ мандрагоры убиваетъ человѣка. Гроза стонетъ: «Ночь стонуци ему грозоу птичь убуди» (Сл. о П.); Самый корень слова стонать имѣетъ и значеніе грома: Скр. Стан-ати стенать, Греч. στενω, стан-аја-ти гремѣть, Лат. tonare; отсюда же tonitru и thunar. Относительно связи плакуна съ другими громовыми растеніями ср. то замѣчательное обстоятельство, что луговой звѣробой (*hypericum ascyron*) иначе называемыя также плакуномъ.

Цвѣтъ (Сах. Терещ.), а у нѣмцевъ сѣмя папортника дѣлаетъ невидимкою, что Кунъ объясняетъ такимъ образомъ: какъ въ шапкѣ невидимкѣ (*nebelkappe*) можно явственно распознать облако скрывающее Бога и его спутниковъ, такъ и растенію происходящему изъ облака приписывается свойство этого послѣдняго (222). Къ сказанному выше о сходствѣ папороти и чертополоха въ свойствахъ прогонять чертей здѣсь прибавимъ, что породамъ чертополоха приписываются и свойства шапки невидимки: кто хочетъ воровать ночью, чтобъ даже собаки не лаяли, тотъ долженъ носить съ собою лопушокъ (Тер. V, 93). Какъ выше разрывъ-травѣ соотвѣтствовалъ *sojci kamínek*, такъ здѣсь цвѣту дѣлающему невидимкой—камень невидимка. Чиждъ вьетъ гнѣздо подъ водою. Кто хочетъ найти это гнѣздо, пусть смотритъ въ воду: иначе его не увидитъ, потому что въ немъ есть камень (*čížkûv kamínek*), дѣлающій его невидимымъ. И кто носитъ этотъ камень при себѣ, тотъ становится невидимкой (Sumlork. I, 112).

Есть Хорв. повѣрье, встрѣчаемое и у Мр. и другихъ Славянъ, что у кого есть сѣмя папороти, тотъ знаетъ все и разумѣетъ языкъ всякой твари (Шіс 167 — 8). Объясненія можно искать въ томъ, что первоначальный обладатель папороти, т. е. Перуна, есть божество, или въ связи представленій грома, рѣчи и мудрости.

Такъ какъ огонь молніи зажигается по вышесказанному, такимъ же образомъ, какъ и огонь солнца, то а priori можно ожидать связи между громовыми растеніями и солнцемъ. И дѣйствительно есть ясныя, хотя и довольно скудныя указанія на эту связь. У Лужичанъ папороть цвѣтетъ въ полдень на Купала (Нанушъ, kalend. 183). У Хорутанъ папороть называется *Supšes* и разцвѣтаетъ, когда солнце побѣдитъ чорнаго волка (Срезив. объ обож. солнца 45). По нѣмецкому повѣрью, если въ солнноротъ въ самый полдень выстрѣлить въ солнце, то кануть три капли крови, и они то и есть папоротное сѣмя (*farnsamén. Kuhn, Herabk, 221*).

Верба. Что верба принадлежитъ къ одному разряду съ папортью и т. п. видно изъ того, что у Хор. зеленныя вѣтки (вербовыя), освященныя въ вербное воскресенье, сохраняются въ домахъ, для предохраненія отъ громоваго удара (*Jlić 121*), а у Чеховъ коѣічку (*Mr. Бруньки*) и вѣтки свяченой вербы бросаютъ въ огонь во время грозы (*Нанушъ, Kalen. 106*). То же основное значеніе (Перуна) имѣетъ верба и въ слѣдующихъ обрядахъ:

Въ *Mr.*, кто проспитъ заутреню въ вербное воскресенье, того быють свяченою вербою приговаривая: Не я бью, верба бѣе, за тиждень великдень, будь високъ, якъ верба, а здоровъ, якъ вода, а богатъ, якъ земля.

Въ *Br.* вмѣсто 3-хъ послѣднихъ стиховъ, говорятъ: «хира (= болѣзнь) въ лѣсѣ, здоровье въ косци» (*Тер. VI, 85*). Нѣтъ никакого основанія желать всякаго добра особенно тѣмъ, которые проспани заутреню; это позднѣйшая прибавка, которая стала возможна только тогда, когда на стеганье вербою стали смотрѣть, какъ на наказаніе. Въ Чехахъ тотъ же обычай имѣлъ мѣсто на 2-й и 3-й день свѣтлаго праздника, когда парни и дѣвочки ходятъ по домамъ «*s romlázkou*». *Romlázka* есть вербовая вѣтка, или хлыстъ, сплетенный изъ нѣсколькихъ вербовыхъ или ивовыхъ прутьевъ, винныхъ лозъ (откуда *vinováčka*), мѣстами даже изъ ремней или жилъ, и украшенный пестрыми лентами и т. п. Помлазкою быють другъ друга — на счастье, парни дѣвицъ — въ знакъ любви; ходящіе по домамъ «*s romlázkou*» — хозяевъ — чтобъ у нихъ велся скотъ. Хозяевамъ при этомъ общаются: *budete mít co vyhánět ze dvora: z mašale — hřibátka, a z chlívu — telátka, a z toho nejmenšího chlívka Jehňátka* (*Sumlork II, 12 вып. 33 — 43; Erb. písně 61 слѣд.; Нанушъ, Kalend. 123*). Въ *Br.* день Св. Георгія (23 Апр.) считается обычнымъ временемъ, когда въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, именно свяченою вербою, сохраненною отъ вербнаго воскресенья. Иногда выгоняютъ скотъ и раньше, но въ этотъ день служатъ молебны Св. Георгію (извѣстной замѣнѣ громоваго божества) и просятъ его пасти скотъ и оберегать его отъ звѣря (*Тер. VI, 38. Діевъ, въ II. Об. II. и Др. 1846, кн. 2*). Обычай выгонять на Юрья скотъ свяченою вербою есть и въ *Mr.* Тамъ же мѣстами въ этотъ день втыкаютъ въ хлѣвахъ вѣтки свяченой вербы и страстныя свѣчи, чтобъ отогнать нечистую силу и вѣдьмъ, (*Тер. VI 29, 30*). Во всей южной и западной Руси угощаютъ въ этотъ день пастуховъ (*ib.*). У Сербовъ и Хорватовъ на Юрьевъ день многія хозяйки стараются ударить метлою по вымени сначала сосѣднихъ коровъ, потомъ своихъ, съ тѣмъ чтобъ молоко перешло отъ первыхъ къ послѣднимъ. Хорошая хозяйка въ этотъ день сама выго-

няетъ своихъ коровъ за село, чтобы сосѣдка не отобрала у нихъ молока (Pié 12 i). У Чеховъ пастушій праздникъ (Krafské hody, коровій праздникъ) прежде справлялся повсемѣстно 1 мая, а теперь мѣстами перенесенъ на послѣ Троицы. Сравниваютъ навозъ на гноищѣ и утыкаютъ его зелеными вѣтками; рога и шеи коровъ украшаютъ зеленью. На разсвѣтѣ кормятъ коровъ разными травами, въ числѣ коихъ есть *petřesk*, окуриваютъ ихъ и выгоняютъ въ стадо метлою (помеломъ), свяченою вербою или зеленою вѣткою изъ тѣхъ, которыми было убрано гноище. Уже около 9-ти часовъ дѣвки гонятъ коровъ домой, при чемъ поютъ тѣ-же пѣсни и такъ же бьютъ вѣткою встрѣчныхъ мужчинъ, особенно своихъ милыхъ, какъ и на свѣтлый праздникъ (о *romlázce velkonoci*). По полудни коровницы и дѣти, выгоняющія скотъ, устраиваютъ угощеніе изъ припасовъ, собранныхъ отъ хозяекъ наканунѣ. На этомъ пиру коровницы играютъ главную роль; на этотъ разъ онѣ выбираютъ себѣ танцоровъ, а не на оборотъ (Sumlork II, 393). Исторія этихъ обрядовъ состоитъ въ слѣдующемъ. Слово *romlázka* (ср. Серб. млаз, струя молока, выдаиваемая за разъ, отъ кор. млъз, Скр. мардж со знач. доить) значитъ вѣроятно: то что дѣлаетъ коровъ молочными. Во всякомъ случаѣ это слово показываетъ, что вѣткою били первоначально коровъ. Первообразомъ этого служило вѣрованье, что громовое божество (у Инд. Индра, называемый отъ этого *gôhan*, доящій) своимъ оружіемъ доить небесныхъ коровъ, отъ чего на землѣ дождь. Дождь представлялся и небеснымъ напиткомъ, а потому о помлазкѣ поютъ: «*proutek se otoči, korbel piva natoči*», съ чѣмъ сравни слова изъ пѣсни «*na smrtnou neděli: Svatý Petr hřímá, natoči nám vína*. Весьма вѣроятно, что вслѣдъ за тѣмъ вѣтка, какъ воплощеніе Перуна, стала средствомъ давать «богатство» землѣ, которая, какъ и туча, представляется коровою (ср. Скр. гô, илâ). Отсюда мысль легко перешла къ плодородію женъ, чѣмъ объясняется любовное значеніе стеганья вѣткою, и къ довольству, счастію вообще. Индійскій обрядъ, соотвѣтствующій помлазкѣ и, косвенно, Мр. обычаю бить вербою состоитъ, въ томъ, что жрецъ, чтобы получить молоко, годное для жертвы, отлучаетъ отъ коровъ телятъ, выгоняя ихъ на пашу вѣткою сами или парна (см. выше), срѣзанною съ извѣстными обрядами. Тою-же вѣткою бьетъ онъ одну изъ коровъ, вмѣсто всѣхъ, говоря при этомъ между прочимъ: «умножайте долю» (т. е. долю молока, приносимаго Индрѣ). По традиціональному объясненію, вѣтка эта есть само божество, такъ какъ она есть воплощеніе того священнаго стихотворнаго размѣра *gâjatrî*, который въ видѣ сокола снесъ на землю божественный напитокъ. Въ Германіи и Швеціи, давая имя коровамъ, бьютъ ихъ вѣткою рябины или другихъ огненныхъ растений, что имѣетъ мѣсто тогда, когда начинаютъ доить коровъ трижды въ день. Этотъ обрядъ въ Вестфаліи называется *quicken*, т. е. дѣлать (коровъ) сильными, свѣжими, давать имъ новую жизнь (Kuhn Herabk. 181).

2 Генв. 1866.

А. Потебня.